

5. Турчин В. В. Прагматика наукового терміна / В. В. Турчин. – Івано-Франківськ: Факел, 2004. – 226 с.
6. Grisham J. The Firm / J. Grisham. – N.Y.: Dell Publishing Group, 1991. – 501 p.
7. Longman Dictionary of Contemporary English (the new edition). – England: Pearson Education Limited, 2003.

*Тихомиров С. А.  
Мордовский государственный педагогический институт  
имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия*

### **ГИПЕРБОЛА КАК СРЕДСТВО ТВОРЧЕСКОГО ОСВОЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ (ГРАДУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)**

Традиционно, как и другие стилистические приемы, по степени освоенности языком гипербола и литота могут быть общеязыковыми и индивидуально-авторскими. Рассматривая гиперболу как одно из средств выражения категории градуальности в современном русском языке, важно определить роль терминов “мера” и “норма” признака объекта, так как установлено, что гипербола модифицирует градусему (термин С. М. Колесниковой) признака.

Определяя норму как “регулирующий энергетический принцип”, Я. Мукаржовский противопоставляет статическому пониманию закономерностей, регулирующих художественный текст, динамическую модель: “Норма – это, скорее, энергия, чем правило” [7, 163]. Исследователь добавляет: “Множественность норм, которые содержатся в художественном произведении, предоставляет, таким образом, широкие возможности для создания того неустойчивого равновесия, каковым является структура произведения” [7, 168]. Рассмотрим примеры: *Если у вас нормальное кровяное давление, вы человек совершенно не интересный* (М. Звонарев). Автор связывает признак “интересный/ неинтересный” человека с его (в менее широком смысле) признаком (кровяным давлением), существенным для автора как критерий определения интересности / не интересности человека. Нормальное кровяное давление, следовательно, указывает на “неинтересность” субъекта, тогда как отклонение от этой нормы (видимо вследствие переживаний, нервозности, стрессов) напротив – своего рода показатель многообразия пережитого. Сравним: *Чтобы у нас болеть, надо иметь лошадиное здоровье* (Л. Измайлов). Нормальное, среднее здоровье, следовательно, является недостаточным для того, *чтобы у нас болеть*. Несовершенство системы здравоохранения вступает в смысловую оппозицию “нормальному” здоровью.

Однако, нередко норматив, стандарт, нормированность является почвой для создания гиперболы: *В автомобиле сидел стандартный молодой человек из тех, которые выпускаются сериями – вместе с автомобилями* (Э. Кроткий). Р. Чапман отмечает, что “гипербола есть сознательное преувеличение, которое актуализирует тему посредством парадигматических выборов, с точки зрения нормы представляющихся в данном контексте утрированными” [8, 114].

По мнению Л. П. Крысина, “гипербола возможна благодаря тому, что в языковом сознании говорящих имеется представление о некоей норме тех или иных свойств, состояний, действий” [3, 101]. Отметим “ненормированность” притязаний у С. Дали: *В шесть лет я хотел быть Колумбом, в семь – Наполеоном, а потом мои притязания постоянно росли* (С. Дали). Ср.: *наполеоновские планы* = непомерно масштабные,

очень большие планы, основанные на очень больших притязаниях и амбициях.

Если, по мнению говорящего, некоторое “событие или состояние значительно отличается от нормального, он может прибегнуть к гиперболе” [3, 101]. Ср.: *От пятилетнего ребенка до меня только шаг. От новорожденного до меня страшное расстояние* (Л. Н. Толстой); *Проповедовать с амвона, увлечь с трибуны, учить с кафедры гораздо легче, чем воспитывать одного ребенка* (А. Герцен).

Рассмотрев характерные особенности гиперболы как средства выражения категории градуальности в современном русском языке (намеренность, нереальность, количественный и качественный характер, преувеличение большой/малой меры признака предмета, явления, действия, модифицирование градусемы, выраженность на уровне как семантики, так и синтагматики, прагматическая доминанта употребления субъектом речи, эмфатический характер, – и основываясь на них, предлагаем рабочее определение данного термина.

Гипербола в современном русском языке понимается нами как стилистический прием явного и намеренного преувеличения, имеющего целью усиление выразительности, модифицирующий градусему (термин С. М. Колесниковой) – сему меры и степени – и реализующий категорию градуальности; она обладает большой семантической валентностью и образует зону синкретизма: обладает способностью сочетаться с другими стилистическими приемами, придавая им особую семантику.

Практически каждое чувственное впечатление, отраженное в слове, может слиться с другим чувственным впечатлением. Такой синкретизм в восприятии разнородных физиологических раздражителей А. Н. Веселовский назвал “психологическим параллелизмом” [2, 152]. В. В. Бабайцева дифференцирует понятия синкретизма и переходности: “переходность – универсальное свойство языка, которое, отражая системную взаимосвязь и взаимодействие между фактами, скрепляет их в целостную систему...; синкретизм – это совмещение (синтез) дифференциальных, структурных и семантических признаков единиц, противопоставленных друг другу в системе языка” [1, 13–14].

Мы учитываем необходимость осмысления отдельной лингво-культурной области бытия, создаваемой при помощи гиперболы и ограниченной пространством художественного текста, когда текст понимается как событие, рассматриваемое в семиотическом, собственно лингвистическом, прагматическом и культурологическом аспектах. Принципиально важно, что “в структуре художественного текста одновременно работают два противоположных механизма: один стремится все элементы текста подчинить системе, превратить их в автоматизированную грамматику, без которой невозможен акт коммуникации, а другой – разрушить эту автоматизацию и сделать ... структуру носителем информации” [4, 82].

Функционирование гиперболы в художественном произведении основано на эмоционально-оценочном опыте читателя. Вместе с тем “новые и новые коды читательских сознаний выявляют в тексте новые семантические пласты. Чем больше подобных истолкований, тем глубже специфически художественное значение текста... Текст, допускающий ограниченное число истолкований, приближается к нехудожественному...” [4, 78].

Функционирование и структура гиперболы как средства выражения градуальной семантики в современном русском языке до настоящего времени не изучались. Именно поэтому рассмотрение гиперболы как содержательного средства коммуникации, способа выражения градуальной семантики в современном русском

языке и как целостного сложного стилистического приема, играющего в создании семантики художественного текста важную роль представляется перспективным.

#### *Л и т е р а т у р а :*

1. Бабайцева В. В. Избранное. 1955-2005: Сб. науч. и науч.-метод. ст. / В. В. Бабайцева. – М.; Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – С. 13–14.
2. Веселовский А. Н. Мерлин и Соломон: избранные работы / А. Н. Веселовский. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; СПб.: Terra Fantastica, 2001.– 864 с.
3. Крысин Л. П. Гипербола в русской разговорной речи / Л. П. Крысин // Проблемы структурной лингвистики / [Отв. ред. В. П. Григорьев]. – М.: Наука, 1988. – С. 95–111.
4. Лотман Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб.: “Искусство-СПб”, 2005. – 704 с.
5. Колесникова С. М. Категория градуальности в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 “Русский язык” / С. М. Колесникова. – М.: МПУ, 1999. – 44 с.
6. Колесникова С. М. Парадигматический и синтагматический аспекты категории градуальности / С. М. Колесникова // Вопр. лингвистики: Межвуз. сб. науч. тр. – М.: МПУ, 2000. – С. 12–23.
7. Мукаржовский Я. Исследования по эстетике и теории искусства / Я. Мукаржовский. – М., 1994. – С. 163–168.
8. Сыроваткин С. Н. Явление гиперболизации в плане функциональной лингвосомиотики / С. Н. Сыроваткин // Вопросы лексикологии, стилистики и грамматики в аспекте общего языкознания. – Калинин, 1977. – С. 106–129.

*Яковлева Е. В.*

*Дипломатическая Академия Министерства иностранных дел  
Российской Федерации (Москва, Россия)*

### **ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИИ И СТРАТИФИКАЦИИ**

Политическая лингвистика – новая, активно развивающаяся гуманитарная наука, которая занимается изучением использования ресурсов языка как средства борьбы за политическую власть и манипуляции общественным сознанием [1, 3]. Связь этого направления с другими лингвистическими направлениями, такими как социолингвистика, сферой интересов которой является исследование взаимодействия языка и общества, функциональная стилистика, в числе проблем которой оказывается исследование публицистического стиля языка и речи, риторика, в центре внимания которой находятся вопросы выразительности и культуры речи, вне всякого сомнения когнитивная лингвистика, лингвистика текста и многие другие.

Сегодня мы можем говорить о том, что политическая лингвистика мультидисциплинарна, поскольку опирается на методологическую базу, разрабатываемую разными академическими направлениями исследования, антропоцентрична, так как точкой отсчета в ней является языковая личность, функциональна, в силу своей ориентированности на изучении языка как живого и динамично развивающегося явления. Более того, этому направлению свойственно стремление не довольствоваться описанием фактов, но находить им объяснение, и, наконец, эта наука постоянно расширяет сферу своих лингвистических изысканий, обнаруживая черты академического экспансионизма.

Итак, предметом исследования политической лингвистики предстает политическая коммуникация, понимаемая как речевая деятельность, направленная на